

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Мария Мартиросова

ЛЕГЕНДЫ О РУССКИХ ГЕРОЯХ

Художник Юрий Каштанов

БЕЛЫЙ ГОРОД
Москва

Евпатий Коловрат

Главной черной туча, налетел на Русь монголо-татарский полководец Батый. Ненасытной саранчой промчался по городам и деревням, оставляя после себя лишь пустынные пепелища. Резво бежали по русским землям приземистые татарские лошади, тяжело нагруженные серебряными окладами православных икон, церковной утварью, медными грошами бедняков. Во весь опор неслись всадники: ведь впереди, в богатой Рязани, их ждала добыча больше прежней. Не серебро, а золото сверкало в тамошних храмах, не медь, а серебро звенело в кошельках горожан.

Целую неделю враги осаждали Рязань. Огнем жгли, из стенобитных орудий камнями забрасывали, по приставным лестницам на крепостные стены лезли. А православные отчаянно обороняли родной город, даже старики, бабы и малые дети взялись за оружие. Один рязанец стоял против тысячи басурман, двое — против десяти тысяч. Лишь 21 декабря 1237 года, когда не осталось в живых ни одного защитника, батыевы воины вошли в город. Разграбили дома и храмы, надругались над великой красотой православных икон, облили смолой, обложили соломой городские стены. А, уезжая, с усмешкой оглядывались на пылающую Рязань. Будет впредь русским наука!

Во все стороны разнеслась весть о нашествии Батыя. И, не жалея коней, помчался в Рязань воевода Евпатий Коловрат. Дорогою все кляня себя, что не почувствовал беды, отлучился в Чернигов из родного города. За несколько дней Евпатий собрал грозную дружину в 1700 воинов и кинулся вслед за татарским войском в Суздальские земли.

Страшный испуг охватил басурман, как только налетели на них дружинники Евпатия Коловрата. Налетели, и так мечами начали сечь, что аж лезвия тупились. Взамен своего оружия хватали неприятельское и все теснили татарское войско. Самые отборные воины выступали против Коловрата, даже непобедимый Батыев родич Хостаурул. А все едино: один за другим падали на Суздальскую землю непрошеные гости, от плеча до седла рассеченные тяжелой рукой русского витязя. В панике побежали татары от него, бросились к своим метательным орудиям, издали до смерти забили камнями Евпатия Коловрата.

Долго смотрел жестокий Батый на поверженного рязанского воеводу. Не было ни одного живого места на теле русского богатыря, кровью атели рассеченные доспехи. Немало своих воинов схоронил татарский полководец, но никогда не видел такого израненного тела. Почтительно поклонился Батый погибшему герою, досадливо нахмурил брови: служил бы у него такой витязь, у самого сердца держал бы его. А потом велел своим людям в неприкосновенности вручить бездыханное тело Евпатия Коловрата нескольким русским дружинникам, оставшимся в живых. Пусть увезут воеводу в Рязань и похоронят его в родной земле.

Вновь собралось в черную тучу несметное батыево войско и зашагало к Москве. А по пути без всякой жалости расправлялось с защитниками городов и деревень. Сиротами оставляя будущих русских воинов, потомков бесстрашного рязанского богатыря Евпатия Коловрата.

Меркурий Смоленский

Труден и не близок путь из западных земель в восточные. Любого притомит, хоть верхом скачи, хоть в повозке трясись. А уж безлошадные и вовсе о нем не помышляют: все ноги собьешь, а все равно не дойдешь. Лишь рослый и крепкий воин Меркурий преодолел сотни верст из Рима в Смоленск и в дороге все вспоминал слова явившейся во сне Богородицы: «Ступай в русские

земли. Там совершишь ты свой подвиг. Там ждет тебя великая слава и великое мученичество».

Только он ступил на Русскую землю, как сразу понял, что Богородица его сюда послала не зря. Из последних сил православные сдерживали натиск батыевых орд, теряли родных, оплакивали разрушенные храмы, оскверненные святыни. Каждому новому дружиннику был рад смоленский князь, особенно такому, как Меркурий. Храброму, выносливому в сражениях, твердому в постах, усердному в молитвах.

А Батый совсем близко подошел к Смоленску. Оставив позади развалины белокаменного Киева, разоренную молодую Москву. Что против них какой-то там Смоленск?

Поэтому басурмане и не стали спешить со штурмом, все одно не устоять городу. Раскинули шатры они неподалеку, в Долгомостье.

Ни один православный не спал в эту ночь. Сотни восковых свечей озаряли Успенский соборный храм, неотступно молились смоляне у чудотворного образа Божией Матери Одигитрии. Но лишь до скромного пономаря Георгия донесся от иконы чуть слышный шепот: «Иди к рабу Моему Меркурию, на Подолье, скажи, что зовет его Богородица». Не

пришлось пономарю долго искать его дом, тот уже в полном воинском облачении спешил навстречу вестнику. Ведь в ту ночь Богородица открыла Своему избраннику Божий промысел: пришло время великого подвига и великого мученичества.

От первого же удара Меркурьева меча замертво рухнул на землю непобедимый басурманский великан. А враги содрогнулись, почудилось им за спиной православного воина сияющее небесное воинство. И тут же в панике, без всякого порядка татары вскочили на своих коней и без оглядки понеслись туда, откуда пришли. Лишь сын великана задержался на мгновение, чтобы коварно, со спины, подкрасться к Меркурию и отомстить за убитого отца.

Пустые шатры, холодные угли костров, изрытая конскими копытами земля, на которой покоился поверженный воин, — все, что нашли смоляне ноябрьским утром 1238 года. Бережно перенесли бездыханное тело в город и погребли у левого клироса соборного Успенского храма. Так же бережно и благоговейно

сохранили православные оружие и доспехи храброго витязя. Чужеземца, совершившего на Руси великий подвиг и принявшего великое мученичество. Русского героя Меркурия Смоленского, защитника и заступника смоленских земель.

Монах Пересвет

На Руси редко выпадали спокойные времена. С опаской православный народ сеял хлеб, строил дома, растил детей. Ведь в любой момент жди набега ордынцев. И некому было защитить, отстоять Русскую землю от басурман. Разве справятся разрозненные княжеские дружины с огромным ханским войском? Поэтому-то московский князь Иван Калита исправно платил дань монголо-татарам. Попусту не споря, не огрызаясь. Сам же потихоньку копил силы для ре-

шающего сражения. И славное это дело своим потомкам завещал.

Еще не знала тихая Коломна такого шума и переполоха. Бряцание доспехов, топот коней, свист казачьих нагаек. Один за другим входили в широко распахнутые городские ворота воины, собранные со всех княжеств Северо-Восточной Руси и Белой Руси. Мимо босоногих детишек, всхлипывавших баб, слабых стариков, мимо внука Ивана Калиты, серьезного московского князя Дмитрия Ивановича, зорко вглядывавшегося в каждого бойца.

А 8 сентября 1380 года на месте слияния Дона с Непрядвой, близ Куликова поля, русское вой-

ско встало против монголо-татарского. Сто тысяч православных ратников против такого же числа басурманских. Но не робели русские, ведь сам игумен Сергей Радонежский благословил битву. Окропил воинов святой водой, послал с ними инок Александр Пересвета с братом Андреем Ослябей, отважных широкоплечих богатырей, разумеющих ратное дело. На прощание игумен повелел монахам себя не жалея слу-

*Монах Пересвет перед
Куликовской битвой
1380 г.*

М. Авилов. *Поединок на Куликовом поле*

жить Отчизне молитвой и воинским умением.

Хан Мамай дерзко усмехался, глядя на русское войско. Одобрительно кивал своему витязю Челубею, который, вызывая на поединок, во все горло поносил противника. Ясное дело, никто не решится сойтись с огромным великаном! Вдруг от русского войска отделилась фигура Александра Пересвета, и он во весь опор помчался навстречу Челубею. Монашеское одеяние с православными крестами развевалось на ветру, копьё грозно нацелилось на басурманина. Не крепкие доспехи и шлем укрывали тело русского богатыря, а полотняная схима, собственноручно надетая на него самим Сергием Радонежским. Не ругательства выкрикивал русский богатырь, а шептал святые слова молитвы. Не хо-

лодная гордость звала на поединок, а горячая любовь к своему народу. Будто две скалы, неслись противники навстречу друг другу. Сшиблись, и земля под ними содрогнулась. Рухнули с коней, в неподвижности застыли на Куликовом поле.

А православные ратники, не дожидаясь приказа, кинулись в бой. Себя не жалея бились, а Отчизну отстояли. После битвы под сотнями закованных в железные доспехи воинов отыскивали погибшего Пересвета. Чтобы бережно и благоговейно захоронить его в московском Старом Симоновом монастыре. И навеки сохранить память о Мамаевом побоище на Куликовом поле, бесстрашно начатом иноком Александром Пересветом, облаченным в полотняную схиму с православными крестами.

Воевода Шеин

Никто из смолян в сентябре 1609 года не ждал и не звал в свой город польского короля Сигизмунда. Гневно роптали, наблюдая, как располагается на берегу Днепра огромная вражеская армия. Возмущались и плевали на присланный манифест с требованием немедленной сдачи Смоленска. Смеялись в ответ на польские угрозы, зевали, слушая щедрые обещания. А жалостливые смолянки не пролили ни одной слезинки, когда суровый воевода Михаил Борисович Шеин велел выжечь все окрестные посады и слободы. Чтобы неприятельской добычей за каменными крепостными стенами стало лишь бесплодное пепелище.

Трудно удержать город, если его осаждает многотысячная армия: 12 тысяч отборных всадников, немецкая пехота, литовские татары, 10 тысяч запорожцев. Не особо надеялся воевода на отправленную в Москву грамоту с просьбой о помощи. Ведь говорили, что многие московские дворяне уже охотно присягнули на верность польскому принцу Владиславу. И все же не сдавал Шеин Смоленска. Даже когда неприятель взорвал грановитую башню и пробил брешь в крепостной стене. Даже когда лез в город по приставным лестницам, совершал бесчисленные приступы. Твердо держались смоляне, беспрекословно слушались своего воеводу. До последнего отощали и обессилели, а целых двадцать месяцев не пускали в город врага.

Михаил Борисович Шеин

Только летом 1611 года повезло полякам. Когда они темной безлунной ночью захватили в плен смоленского беглеца Андрея Дедишина. Не по плечу тому оказались воинские подвиги да изнурительный голод, вот он тайно и ушел из города. С полным мешком нажитого добра, с трусливо колотящимся сердцем. И, не колеблясь, охотно указал полякам слабое место в крепостной стене.

В полночь 3 июня 1611 года враги ворвались в город. Ожесточенно секли саблями, палили из пистолей, затаптывали людей копытами коней. Шарили в сундуках и перинах покинутых домов, срывали с икон золотые и серебряные оклады. Штурмовали дубовые двери храма Богородицы, где, затаив дыхание, укрывались мещане и купцы с семействами, богатствами и пороховой казной. Но ничего не досталось полякам. Чуть только затрещали дверные петли, как смоляне подожгли порох — и взлетели на воздух!

Долго не сдавался воевода Михаил Борисович Шеин, вместе с остальными защитниками бился с врагом. И даже плененный, под пытками не пожелал указать места, где спрятаны смоленские сокровища. А потом много дней подряд скованным трясся на скрипучей повозке, увозящей его в девятилетний постылый литовский плен. Чтобы вернуться в Россию в царствование Михаила Федоровича Романова и главным воеводой повести на поляков многотысячную армию.

Михаил Скопин-Шуйский

Только истощилась на Руси династия Рюриковичей, как не стало в стране мира и порядка. Один за другим начали объявляться самозванные цари и бунтари. Сбивать православных с толку, разорять города и деревни, обманом сидеть на царском престоле. Годами не знал русский народ, кто им правит. То ли по-прежнему «свой» царь, то ли польский принц Владислав, то ли невесть откуда взявшийся сын Ивана Грозного, Дмитрий. Неодобрительно качали головами старые бояре: Смутные времена настали на Руси. А поди попробуй навести порядок! Ведь с одной стороны бунтарь Ивашка Болотников ведет на Москву огромную холопскую армию, с другой — самозванец Лжедмитрий II с поляками осадил столицу и вот-вот объявит себя новым государем. Страх и гнев владели царем Василием Шуйским, не было в его руках никакой власти, сидел он в Кремле, будто орел без когтей и перьев.

Многие пожилые воеводы пытались подавить холопский бунт, да только удалось это лишь двадцатилетнему Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Царскому родственнику, весьма образованному юноше, умному и рассудительному не по годам. Он сражался с противником не по старинке, а перенимая голландский и шведский опыт, придумывая военные хитрости, терпеливо обучая ратной науке кавалерию, пехоту и артиллерию. Не бросался сломя голову против самозванца Лжедмитрия II, как того требовал царь, а мудро выжидал и укреплял позиции, по мере сил

сохраняя в любом сражении русскую армию.

Лишь 14 апреля 1609 года начался военный поход Михаила Скопина-Шуйского. Да так удачно и победоносно, что полководца вскоре иначе как «спаситель», «отец отечества» никто и не называл. Ведь один за другим освобождались от польских войск Тверь, Торжок, Дмитров, снялась осада с Троице-Сергиевской лавры. Из уст в уста передавались рассказы о хитроумных укреплениях, придуманных молодым воеводой. Об «острожках» и «рогатках», в которых застряла вражеская армия, о русской пехоте, что на лыжах добралась до Дмитрова по снежным непроходимым дорогам. И совсем немногим было известно, как Михаила Васильевича мучительно донимал недостаток средств для уплаты жалования шведским наемникам.

В марте 1610 года русские войска сняли блокаду с Москвы. А для въехавшего в столицу 23-летнего полководца устроили торжественную, почти царскую встречу. Такую, что вмиг напомнила завистливому Василию Шуйскому слухи о том, что все православные с радостью посадили бы на трон молодого и удачливого воеводу.

Вскоре Михаил Скопин-Шуйский был отравлен. Тысячи москвичей шли за его гробом до самого Архангельского собора, места захоронения русских царей. Возмущенно роптали простолюдины, с запада поляки вели на Россию свежие бесчисленные войска, а старые бояре печально качали седыми головами: Смутные времена!..

Иван Бусанин

Много дней подряд зимой 1613 года думали бояре на Земском соборе, кого избрать новым русским государем. Чтобы не стар был будущий царь, здоровьем не слаб, нравом миролюбив, родом знатен. Долго спорили, все к согласию не приходили, ведь, ясное дело, каждый за своего человека кричал. Пока не вспомнили о малолетнем Михаиле Федоровиче Романове, внучатом племяннике Анастасии Романовны Заха-

Польские солдат-жолнеж и дворянин-шляхтич

рыной, первой жены Ивана Грозного. Так и эдак прикинули, и вышло, что Михаил — ближайший оставшийся в живых родственник царей прежней династии Рюриковичей. Кому, как не ему владеть русским престолом? На том, помолясь, и порешили. И с надеждой разошлись по домам: воцарится новая династия Романовых — и придет конец Смутным временам!

Быстро разнеслась по стране весть об избрании нового государя. Прослышали о ней поляки и страшно разгневались на своевольных бояр. Ведь король Сигизмунд III давно уже мечтал посадить на русский престол сына Владислава. Поэтому поспешно засобиравшись в Костромской уезд большой отряд польских воинов. Туда, где в своей родовой вотчине, селе Домнине, скрывался беззащитный малолетний царь.

Трудно идти незнакомой дорогой. Да еще найди ту дорогу! Хорошо хоть удавалось отыскивать проводников к каждому новому селу. Конечно, недобро смотрели местные жители на поляков и поначалу отнекивались — не хотели показывать дорогу. Но стоило грозно зазвенеть сабле, щелкнуть затвору пистоля, костромские крестьяне вмиг соглашались. Совсем немного оставалось до Домнина, а в 4,5 верстах, в селе Деревеньки, полякам снова понадобился проводник. Тот, кто прямым ходом приведет их к самой царской вотчине.

А. Волков. *Смерть Ивана Сусанина*

В первой же избе удалось найти домнинского крестьянина по имени Иван Сусанин. Мужик молча, внимательно оглядел чужеземцев, погладил широкую седую бороду, согласно кивнул головой. И тут же, шепнув несколько слов какому-то молодому парню, скорым шагом повел за собой польский отряд. Через поле, в лес, в самые топи непроходимых костромских болот. В сторону, противоположную царской вотчине. Шел, а про себя все прикидывал, успели зять Богдан добежать до До-

мнина да предупредить государеву родительницу о грозящей беде.

Герб дома Романовых

Страшными угрозами и пытками требовали поляки от Сусанина указать верную дорогу из гиблых болот. В ответ тот лишь упрямо качал головой, мужественно приняв от врагов свою смерть. А тем временем Марфа Ивановна Романова поспешно увозила сына в новое убежище, в Ипатьевский монастырь. Благоговейно твердя про себя имя

Ивана Сусанина, спасителя новой царской династии.

Кормщик Рябов

Немногие русские суда летом 1701 года отваживались покидать архангельский порт. Огромные барыши не прельщали даже рискованный торговый люд, а они ждали их в далеких западных странах. Хоть просторные склады и были забиты пенькой, пушшиной, лесом, но лучше уж спокойно зарабатывать медные денюжки, чем искушать судьбу из-за золотых монет. Нешуточное дело — война! Особенно с таким серьезным противником, как шведский король Карл XII, который все морские пути считал своими, всю западную торговлю держал в кулаке. Не по нраву ему было, что Россия единолично владела архангельским портом, богатым торговым путем. Давно бы лишились русские своего порта, не будь надежной Новодвинской крепости.

Только царь Петр Алексеевич не собирался отсиживаться в крепости, а твердо решил отстоять свои зем-

ли, да еще и шведские прихватить. Вызвал у голландских купцов, что в Белое море вошла вражеская эскадра из семи кораблей, вооруженных 127 орудиями, и начал поджидать незваных гостей. Для начала в устье Северной Двины наладили разведку: рыболовецкое судно с кормщиком и двумя наемными рыбаками — покручениками. Да не абы кого кормщиком взяли, а Ивана Ермолаевича Седунова, опытного, умелого человека. Не один год морскими промыслами и охотой занимавшегося. Да так справно, что давно за меткость и удачливость в добыче рябчиков заслужил прозвище «Рябов».

В июне 1701 года под видом рыбаков, промысляющих палтусом и треской, отчалило судно кормчего Рябова.

Не спеша шли разведчики, сети в море забрасывали, улов тащили. Сами же все по сторонам озирались, не видать ли чего? До самого Сосковца добрались, а там наткнулись на семь неприятельских кораблей. Тя-

желых, грозных, с множеством

быстроходных шлюпок. Так

что пришлось русским

рыбакам бросить свое

судно, подняться

на шведский ко-

рабль. И тут же

враги начали вы-

спрашивать плен-

ников о морских

путях, ведущих

к Архангельску.

Пытками, смер-

тью грозить. Не-

мало удивились

покрученики,

услышав согла-

сие Рябова самолично указать дорогу шведским кораблям.

Заспешил неприятель, все паруса выставил, на полном ходу помчался в указанном направлении. И со всего маху засел на мель прямо под огонь пушек русской Новодвинской крепости. Под проклятия шведских морских пехотинцев, под дерзкий хохот русских разведчиков...

Лишь половина вражеской эскадры, чудом соскочив с мели, вернулась

на запад. Оставив у архангельских берегов свой фрегат, большую яхту, оружие, знамена. И неподвижные, изрешеченные пулями тела русских рыбаков. Двух погибших покручников и раненого кормчего Рябова. Без страха и сомнений повторивших давний подвиг Ивана Сусанина.

Гвардии сержант Михаил Щепотьев

Немало стоящих и неумолимых людей состояло на службе у царя Петра Алексеевича. Разных званий, чинов, талантов. Всякий человек нужен был государству: и в военных делах разбиравшийся, и на иностранных языках толковавший, и морские науки разумевший. Неважно, простолюдин это или столбовой дворянин, генерал или солдат. Ведь за славные дела царь ценил обычного сержанта больше десяти генералов. То и дело всем в пример ставил сержанта бомбардирской роты Преображенского полка Михаила Ивановича Щепотьева. Человека, во всяком царском деле участвовавшего. Того, кто и на войне кровь проливал, и корабли возводил, и дороги для их перевозки строил. Не за чины и награды (да и не было их вовсе), а за доброе царское слово, за славу российского государства.

Версту за верстой отвоевывало петрово войско у шведов. День и ночь на реках Волхов, Свирь стучали топоры русских мастеровых, на берегах Невы закладывались Петропавловская крепость и Адмиралтейская верфь, осаждалась с суши шведская крепость

Михаил Иванович
Щепотьев

Выборг. Давно бы уже сдались выборгцы, если бы не помощь с моря. То и дело мощные торговые суда подвозили осаждаемым провиант, оружие. Эдак и за десять лет крепости не взять! Поэтому Петр Алексеевич решил захватить «Эсперн», шведское судно, чаще других снабжающее гарнизон всем необходимым. Быстро набралась команда добровольцев для ночной вылазки: 48 гренадеров лейб-гвардии Преображенского полка, бомбардир Автоном Дубасов и два унтер-офицера флота — Наум Синявин и Ермолай Скворцов. Начальником над ними стал сержант Преображенского полка Михаил Щепотьев. Темной ночью 12 октября 1706 года русские рыбацьи лодки направились к Выборгской бухте.

Удачливый экипаж «Эсперна» не сразу понял, что развернувшиеся веером пять рыбацких лодок взяли их на абордаж. Не успели сыграть тревогу, зарядить и выстрелить из четырех корабельных пушек, а уже вся палуба была закидана самодельными бомбочками. Русские, отпуская лодки, отчаянно лезли на борт судна и схватывались со шведами врукопашную. Не замечая значительного превосходства неприятеля в силе, собственных потерь. Не замечая гибели бесстрашного командира...

Лишь после того, как была одержана окончательная победа, а пленники заперты в трюме, 18 из оставшихся в живых нападавших разыскали тело Михаила Щепотьева. Захваченный корабль медленно поплыл к русскому лагерю навстречу Петру Алексеевичу, глубоко опечаленному потерей своего любимца. Навстречу будущим русским победам, что добудет судно, выступив против шведов под Андреевским флагом.

Гренадер Новиков

Огромно, необъятно Российское государство. Целый десяток европейских стран без труда уместились бы на ее просторах. А уж богатств у русских и вовсе не меряно! И золота, и драгоценных камней, и пушнины, и угля... Поэтому озлобились завистливые англичане и прусаки, когда в 1783 году императрица Екатерина II объявила Крым

Мушкетер Степан Новиков

с Кубанью своими губерниями. Ведь российская территория до чрезвычайности расширилась, обогатившись плодороднейшими кубанскими землями, крымскими морскими портами. Озлобились и начали козни строить.

Подговорили англичане с прусаками турецкого султана начать войну против русских. Прельстили мусульман огромными, невиданными трофеями, новыми землями, десятками тысяч православных пленников. А сами, довольные, руки потирали: пусть Россия с Турцией повоюет, пусть мощи да богатств у нее поубавятся.

Лишь после четырех лет раздумий турецкий султан решил на войну с Россией. Снарядил корабли, оснастил их множеством пушек и отправил пятитысячное отборное войско за русскими богатствами. Осенним утром 1787 года неприятельский флот причалил у Кинбурнской косы. В тот же день загрохотали турецкие пушки, сотни ядер полетели в сторону российской крепости Кинбурн. Заглушая доносившийся из крепостной церкви колокольный звон по случаю праздника Покрова Пресвятой Богородицы, раздражая стоявших на праздничной службе солдат и офицеров. Лишь генерал Александр Суворов невозмутимо осенял себя крестами, шептал молитвы, клал поклоны. Всему свое время, повылезут из кораблей турки, тогда и начнется бой.

Бой начался 1 октября. Замелькали турецкие сабли, казачьи копыта, загрохотали ружья. Не на жизнь, а на смерть сошлись янычары с мушкетерами Шлиссельбургского и Орловского полков. Такая жаркая битва закипела, что места на косях мушкетерам не хватало, сплошная свалка началась! Поэтому ни один русский офицер не заметил, как пала лошадь под Суворовым, как окружили генерала свирепые янычары. Лишь востроглазый гренадер Шлиссельбургского полка Степан Новиков приметил это отчаянное положение. Не побоявшись острейших турецких сабель и кинжалов, без раздумий бросился на помощь. Единственный — против целой толпы неприятеля! Одного за-

колол, другого пристрелил, бросился на третьего, а тот вместе с остальными вовсю припустили к кораблям. Испуганно молитвы на своем языке лопоча, белые чалмы на бегу теряя.

Поздно ночью бледный от усталости и полученной раны Суворов составлял реляцию о происшедшей баталии при Кинбурне и одержанной над неприятелем победе. Подробно и восторженно, вопреки всем правилам и этикету описывая героизм «низшего звания», подвиг grenадера Шлиссельбургского полка Степана Новикова. Того, кто и являлся подлинным богатством империи. Самоотверженного, отчаянно смелого, преданного правому делу и своему благодетелю русского человека.

Секунд-майор Неклюдов

Крепка и неприступна была турецкая крепость Измаил. Без единого слабого места. С высокими валами и глубокими рвами. Не ведала крепость позора белого флага, многие годы лишь гордое османское знамя развевалось на ее башне. Ведь любую осаду без труда выдерживали толстые каменные стены, построенные лучшими французскими инженерами.

Дважды русские войска осаждали турецкую крепость. И все безрезультатно, ни с чем возвращались на старые позиции. На годы растянув войну, разгневав императрицу Екатерину II, порадовав враждебную Пруссию с Англией... Без особой надежды доверил фельдмаршал Григорий Потемкин-Таврический взятие Измаила генералу-аншефу Александру Васильевичу Суворову.

Турки ждали от русских привычной долгой осады. Не станет же 30-тысячный противник штурмовать крепость, в которой укрывается целая 35-тысячная армия! С улыбкой наблюдали с крепостных стен за учениями Фанаторийского, Апшеронского и казачьих полков, отрядов арнаутов. А 24 декабря 1790 года не сразу поверили донесениям о начале штурма. О том, что русское войско, разделившись на три отряда, атакует Измаил с разных сторон. Причем особенно преуспевает тот отряд, что у крепостной стены, примыкавшей к Дунаю. И ни глубокие рвы, ни высокие валы, ни ураган пушечных ядер и ружейных пуль не могут остановить противника.

А русское войско держалось из последних сил. Бесполезными оказались казачьи копья против янычарских мечей, невозможным было продвижение по открытому, ничем не защищенно-

му пространству. В беспорядке падали на землю русские солдаты, роняли лестницы, шанцевый инструмент. И лежали, не смея подняться под непрерывным огнем и продолжить атаку. В отчаянии закричал идущий впереди колонны секунд-майор Леонтий Яковлевич Неклюдов:

— За мной! Вперед, ребята! Будет Божья воля — вместе обретем славу, нет — рядом сложим головы!

И, не обращая внимания на выстрелы, бросился в ледяную воду, переплыл ров, без лестницы взобрался на крутой девятисаженный вал. А вслед за секунд-майором карабкались солдаты, как от назойливых мух отмахиваясь от злых турецких пуль. В одну минуту оказались на валу, яростно, всей колонной навалились на вражескую батарею. Леонтий Яковлевич бился наравне с остальными солдатами. Колот штыком, не чувствуя боли в простреленном плече. Бросался на противника, хромая от двух пуль, засевших в ногу. Направлял солдат, не замечая прицеливавшегося в него врага. Лишь когда батарея была окончательно взята, а над Измаилом прогремело победоносное русское «Ура!», воины нашли своего командира. Израненного и почти не дышавшего. Благоговейно, на ружьях понесли его в лагерь, своими телами прикрывая от вражеских пуль.

К утру Измаил пал. А Суворов, обходя раненых в госпитале, надолго задержался возле койки едва живого секунд-майора Леонтия Яковлевича Неклюдова. Первого воина, покорившего неприступный вал Измаила.

Настежь были распахнуты все крепостные ворота. Устало шагали сквозь них русские солдаты, волоча за собой поникшие турецкие знамена.

ГЕНЕРАЛ КУЛЬНЕВ

В самых жарких войнах и боях участвовал генерал-майор Яков Петрович Кульнев. В осаде крепости Бендеры и в сражении при Батине в Русско-турецкую войну. Под Ошмянами, Лидой, Вильно, при Кобрине, Муховце и Брест-Литовске — в польскую. В Гейльсбергской и Фридландской битвах — в войне с Францией. При Куортане, Оровайсе и в экспедиции на Аландские острова — в шведскую войну.

Необыкновенное уныние одолевало генерала в мирное, спокойное время. А однажды, просидев без всяких военных походов 10 лет в Сумском гусарском полку, Яков Петрович даже собрался выйти в отставку. Но тут подоспела война с Францией, перевод в Гродненский гусарский полк, и обрadowанный генерал написал своему брату:

— Люблю Россию! Хороша она, матушка, еще и тем, что у нас в каком-нибудь углу да обязательно дерутся...

Драться Яков Петрович умел блестяще. Недаром долгие годы его родители водили знакомство с самим Суворовым, а в польскую войну Кульневу выпало несколько счастливых лет службы под началом великого полководца. Многому тогда научился молодой офицер: блестящему ведению боя, стремительным атакам, яростному неприятию побоев солдат.

Яков Петрович
Кульнев

«В бою мы все равны — и солдаты, и офицеры. И я же своего товарища по морде?»

Именно Кульнев повел 12-тысячный авангард русского корпуса Витгенштейна против французского корпуса маршала Удино. Лишь отчаянно бесстрашному генералу и ученику Суворова было по силам удержать, сбить с пути французов, неумолимо приближавшихся к Санкт-Петербургу. К Зимнему дворцу и Петергофу, где в панике упаковывали вещи императрица и великие князья.

В июле 1812 года Александр I получил с фронта первые весьма благоприятные вести. Весь Петербург радостно обсуждал блестящую победу генерала

Н. Самокиш. Атака у Клястиц 20 июля 1812 года

Кульнева над передовыми частями противника. Взятие в плен любимца Наполеона, генерала Сен-Жени, 900 французских солдат и офицеров, захват обоза Удино. Лишь неукротимый генерал не желал любоваться своими уже одержанными победами, а яростно продолжал преследовать противника. В горячке погони не замечая, что оторвался от корпуса Витгенштейна. Что за внешне немногочисленной бригадой генерала скрываются главные силы противника. И тут же было скомандовано отступление. Под прикрытием арьергарда, для соединения с корпусом Витгенштейна.

Русские пушки всюду палили, прикрывая отход войск. Яков Петрович

лично поджигал фитили, радуясь каждому удачному залпу. Но пропустил он меткий выстрел с неприятельской стороны: пушечным ядром Кульеву оторвало обе ноги. Холодеющими руками генерал снял с груди все свои ордена, закутался в солдатскую шинель. Незачем врагу знать, что они убили самого Кульнева. Первого русского генерала из тридцати шести тех, кому еще придется погибнуть.

А подоспевшее русское подкрепление ударило по неприятельским войскам, окончательно разгромив их, сбив с пути, перенаправив к Смоленску. Навстречу Бородинскому сражению, московским пожарницам, битве при Березине.

Леонтий Коренной

Немало подвигов совершили русские герои в войне 1812 года. Да и самих героев в той войне было немало. И среди генералов, и среди простых солдат. Никто не думал тогда о чинах, Родину от врага спасали, жизни не жалея. Поэтому император Александр I награждал героев без всяких оглядок на происхождение и звания. Сколько одних только солдатских Георгиевских крестов было выдано после знаменитой Бородинской битвы! В лейб-гвардейском Финляндском полку их получили сразу шестеро солдат. В том числе и «дядя Коренной». Огромный, сильный, неустрашимый гренадер Леонтий Коренной. Именно он, собрав вокруг себя пятерых товарищей, отбил у французов выгодную позицию на опушке леса. Получили солдаты своих «Егориев», но война-то не закончилась, надо было дальше французов гнать — из России на запад. До самого Лейпцига, где 4 октября 1813 года и состоялась решительная «битва народов».

Тяжело пришлось «финляндцам» в той битве. Ведь никто не знал о численности неприятельских войск, расположенных в селении Госсу. Лишь вступив в схватку с французами, солдатам и офицерам лейб-гвардейского полка стало понятно, что они имеют дело с превосходящими силами противника. Да еще и в таком неудачном для боя месте, на тесной площадке у высокой каменной ограды. Тут враги без особого труда брали верх над русскими воинами. Без счета падали на землю офицеры и солдаты. Раненые, убитые. Поэтому невозможно было подчиниться торопливому бою полковых барабанов, приказывавшему немедленно отступить. Но попробуй пере-

лезть через высокую каменную ограду с перебитыми ногами, руками...

Словно невесомых младенцев, Леонтий Коренной бережно поднимал на руки раненых офицеров и солдат. Поднимал и подсаживал на самый гребень высоченной ограды. Ему-то, великану, она такой уж высокой не казалась. А после, когда всех раненых переправил на ту сторону, заклонил своей грудью ограду от французов. Как когда-то на Бородинском поле с несколькими однополчанами против сотни французов. Не на жизнь, а на смерть, себя не жалея, прикрывая отступление товарищей. Рука не уставала колоть штыком, тело не чувствовало ран, а несколько однополчан мертвыми лежали на сырой осенней земле. А когда сломался штык, русский солдат начал отбиваться прикладом ружья. Немало французов пало от его ударов.

Лишь восемнадцатая рана свалила Леонтия Коренного. И настолько могучим был уже бесчувственный герой, что французы замерли над ним. А потом, перевязав русскому раны и положив на носилки, почтительно доставили его в госпиталь. Говорят, сам Наполеон приходил взглянуть на раненого, распорядившись отпустить героя сразу после излечения. В родной полк, где гренадер Леонтий Коренной давно уже числился в списках павших.

Немало крестов и орденов было выдано после победы над Наполеоном. Но единственной была персональная серебряная медаль с лаконичной надписью «За любовь к Отечеству», врученная простому солдату лейб-гвардейского Финляндского полка Леонтию Коренному.

Василиса Кожина

Суровая морозная зима выдалась в России в 1812 году. Своих, русских, не особо щадила, а чужаков и вовсе пробирала до костей. Носы, щеки жгла, ледяным ветром под лохмотья мундиров забиралась.

Длинной вереницей, без строя и порядка тащилась на запад разбитая французская армия. На заморенных клячах, на ветхих повозках, пешком. Лишь бы быстрее вон из России! Не предвидели французы такого конца, когда, наступая, безжалостно грабили русские города. Когда ворвались в пустую Москву и расположились в белока-

менных палатах Кремля. И даже когда был отдан приказ об отступлении. Но русские погнали своих врагов прежней дорогой — выжженной и опустошенной. Мимо пустых амбаров и хлебов, мимо нищих обремененных крестьян.

Страшная обида за разоренную Отчизну владела жителями хутора Горшкова, что в Сычевском уезде Смоленской губернии. Все, от мала до велика, желали нанести врагу хоть какой-нибудь, да урон! Выставили на колокольне часовых, вооружились косами, рогатинами, вилами, собрали партизанский отряд. И ни одного француза мимо хутора не пропускали. Оружие отбирали, крепкими веревками вязали. А староста, Максим Петрович Кожин, вместе с самыми сильными мужиками отвозил пленников в город.

Вместо мужа во главе отряда вставала старостиha Василиса Кожина. Отчаянно смелая, властная и мудрая женщина. Беспрекословно подчинялись ей и взрослые бородатые мужики, и юные насмешливые парни, и надменные французские офицеры. Не одного мародера пленил отряд старостиhi, всякий раз русские вилы против чужеземных ружей брали верх. Вокруг пленных на коне разъезжала грозная Василиса да громовым голосом командовала:

— Во фронт, злодеи! Стройся! Ступай, марш!

И строились, и во фронт вытягивались, попробуй такой бабе возразить! Ведь стоило какому-нибудь французу

проявить дерзость или нерасторопность, в тот же миг подсакивала к нему старостиха. Острейшей косой, будто саблей, взмахивала, и без единого стопа валился чужеземец на землю. А остальные пленники покорно плелись вперед, в ужасе внимая Василисиным словам:

— Всем вам, ворам, будет то же, коли осмелитесь зашевелиться. Многим таким озорникам я сорвала головы!

Далеко разнеслась весть о бесстрашной Василисе. О простой смоленской крестьянке, которой сам император Александр торжественно вручил медаль и денежное вознаграждение. И еще много лет спустя чужеземные послы и офицеры с почтительным страхом стояли перед портретом кисти Смирнова. Властно и сурово смотрела с холста женщина в жемчужном ожерелье и кокошнике, Василиса Кожина.

Архип Осипов

Нетвердой была власть российского императора на Кавказе. Хотя в 1829 году и отвоевали черноморское побережье от устья Кубани до поста Святого Николая*, а все равно будто не владели им. По-прежнему контрабандисты без всяких пошлин ввозили соль, порох, а вывозили похищенных казачек для мусульманских невольничьих рынков. Лишь спешное сооружение семнадцати российских военных фортов положило этому конец. Потому-то лишившись прежней свободы иноземные купцы без конца вспоминали о старых временах: хорошо им жилось без русских крепостей!

И один за другим запылали форты — Лазарев, Вильяминовское... Тогда со всех ног понеслись несколько выживших бойцов к Михайловскому укреплению. Предупредить о предстоящем нападении горцев, найти защиту за не очень широкими, но все-таки своими стенами.

Начальник гарнизона, штабс-капитан Николай Константинович Лико сразу понял, что не устоять Михайловскому. Куда восьми орудиям, четырем ротам Тенгинского полка из 480 человек против десятитысячного противника! И все равно решил до последнего держать крепость, не сдавать ее врагу. Так и объявил собравшемуся воинскому составу и приказал готовиться к последнему, смертному бою.

Мало кто спал в Михайловском форте в ночь с 21 на 22 марта 1840 года, а солдат Архип Осипов и не присел даже. Долго в раздумье бродил по казарме, а потом вдруг остановился и твердо произнес:

— И вправду негоже сдавать укрепление врагу. Уж лучше в трудную для наших минуту подожгу я пороховой погреб.

Широко перекрестился перед казарменной иконой и спокойно улегся спать. А наутро в Михайловском форте разгорелся страшный бой. Будто свирепые штормовые волны, накатывали на крепость тысячи горцев, неумолимо тесня русских солдат. Шаг за шагом отступали защитники форта, приближаясь к пороховому погребу. И тут раненый Архип Осипов, взглянув на горы поверженных товарищей, на бесчисленную толпу

* Русская крепость на Кавказе в XIX веке.

А. Козлов

Подвиг рядового 77-го пехотного Тенгинского полка Архипа Осипова 22 марта 1840 года

ворвавшихся в крепость неприятелей, выхватил тлеющий пушечный фитиль из рук погибшего пушкаря и бросился в погреб.

— Кто останется жив — помните мое дело! — услышали однополчане отчаянный крик героя.

Через секунду оглушительным взрывом разнесло Михайловское укрепление, а вместе с ним и три тысячи горцев, а еще раненых и искалеченных защитников форта.

Первым русским солдатом, чье имя навечно зачислили в списки воинской части, стал Архип Осипов. На всех переключках называли имя героя —

и раздавалось в ответ: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении». А с 1876 года на месте взорванного форта установили на народные деньги шестиметровый чугунный ажурный крест с надписью: «77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Велико-го Князя Алексея Александровича полка рядовому Архипу Осипову, погибшему во славу русского оружия 22 марта 1840 года в укреплении Михайловском, на месте которого сооружен сей памятник». А в 1889 году в память о герое Михайловское было переименовано в Архипо-Осиповку.

Фома Данилов

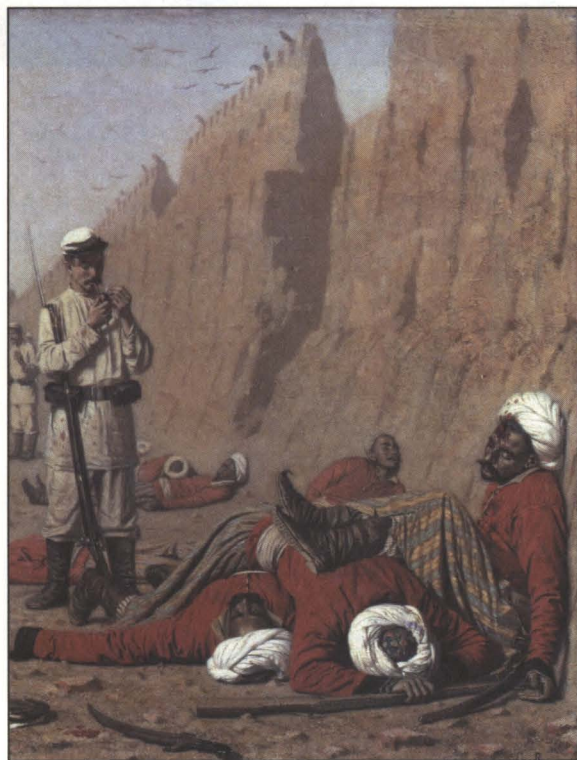
Далеко от Самарской губернии забросило каптенармуса Второго Туркестанского стрелкового батальона, унтер-офицера Фому Данилова. Аж до самого Ташкента! Города, хоть и яркого, богатого, но такого чужого и мало кому известного в родной Кирсановке Бугурусланского уезда. Попади сюда односельчанин — и непременно рот от удивления разинул бы: пушистые ковры, шелковые ткани, незнакомые фрукты, кушанья. Магометанские же церкви и вовсе сказочные: с высокими минаретами, украшенные орнаментом, рисунками, пестрой мозаикой. А все же родные православные храмы лучше! Стройные, белокаменные, с золочеными куполами, звонкими колоколами.

Честно и усердно служил Фома Данилов. Казенное имущество пуще

Унтер-офицер Фома Данилов

В. Верещагин. После неудачи

собственного берег, вина отродясь не употреблял, табаком не баловался. А приказы начальства каптенармус лучше многих исполнял. Едва в 1874 году началась война с Кокадским ханством, и велено было переводиться в Наманган, как Данилов начал собирать обозы, грузить арбы, записывать, что и куда положено. И второпях не доглядел разболтанного колеса. Двинулись в путь, а оно соскочило, по обочине покатилося, запрыгало. Из покривившейся арбы посыпалось в пыль казенное имущество. Пока Фома Данилов его подбирал, на другую повозку перекладывал, напала на него банда кипчаков. Связала по рукам и по ногам и увезла в Маргелан.

Главарь кипчаков, Пулат-хан, ласково принял русского служивого. Наобещал великие богатства, хорошие должности и свое расположение, если только каптенармус отречется от Христа и перейдет в «истинную» веру — мусульманство. В ответ Данилов твердо покачал головой: «Коли с младенчества родители православным окрестили, то православным и помру. А коли царю своему родному присягу принес, то навсегда буду ей верен!» Сказал — и как отрезал.

Страшным пыткам подвергали иноверцы русского пленника, били, голодом морили, издевались всячески. А он про себя молитвы шептал, у Бога защиты и сил просил. Вслух же твердил одно и то же: «Ни за какие блага не изменю я Богу и царю, а хотите убить, так убейте, не страшно!» Удивились кипчаки, решили, что нательный крестик христианину помогает боль переносить. Потяну-

лись было сорвать, а Данилов руками грудь заслонил: «Вот умру я, тогда и возьмете!»

Так с крестом и казнили русского унтер-офицера. Стойко он принял смерть, без криков, стонов, с молитвами на устах. Никогда мусульмане такой героической кончины не видели. Переглянулись, зашептались: «Как истинный батыр умер русский солдат!»

А спустя годы появилась в ризнице Самарской духовной семинарии икона Фомы-мученика. С изображением статного молодого русского воина, в белой гимнастерке-косоворотке, в красном плаще, с крестом и развернутым свитком, на котором начертано: «Аз есмь христианин».

Федор Горталов

Обер-офицер
пехотного полка. 1877 г.

Самым обыкновенным и неприметным офицером в российской армии был майор 61-го Владимирского полка Федор Матвеевич Горталов. Не участвовал в скандальных кутежах, не проигрывал в карты имений, зазря не подставлял голову под пули. А честно и дотошно выполнял свой долг, не ведая, что считается самым уважаемым офицером в полку. Что своею порядочностью оказывает хорошее влияние даже на отчаянных картежников и кутил. Что имеет в глазах начальства большой вес. Лишь в искренней приязни солдат к нему был уверен Федор Матвеевич. Да и сам платил им той же монетой: всеми силами берег их, не подвергая пустому неоправданному риску. Только так и возможно на войне. Особенно на такой тяжелой и кровопролитной, какую за освобождение Болгарии вела Россия с Турцией в 1877 году.

Обильно была полита кровью каждая пядь земли Каванлыка, что под Плевной. Под шквальным ружейным огнем русские солдаты поднялись по склону высоты и в рукопашном бою захватили турецкие укрепления. Батальонные знамена взвились над редутом № 1, обозначив падение крепости.

Под нескончаемым огнем целые сутки 31 августа продержались русские воины на захваченной территории.

А Федор Матвеевич будто и не чувствовал усталости. Самолично отправился осматривать прилегающие к редутам кукурузные поля, чтобы отыскать в них отставших во время атаки солдат. Только отъехал от редута, как встретил генерала Скобелева. Генерал, выслушав четкий рапорт майора, коротко приказал:

Барабанщик
гренадерского
полка

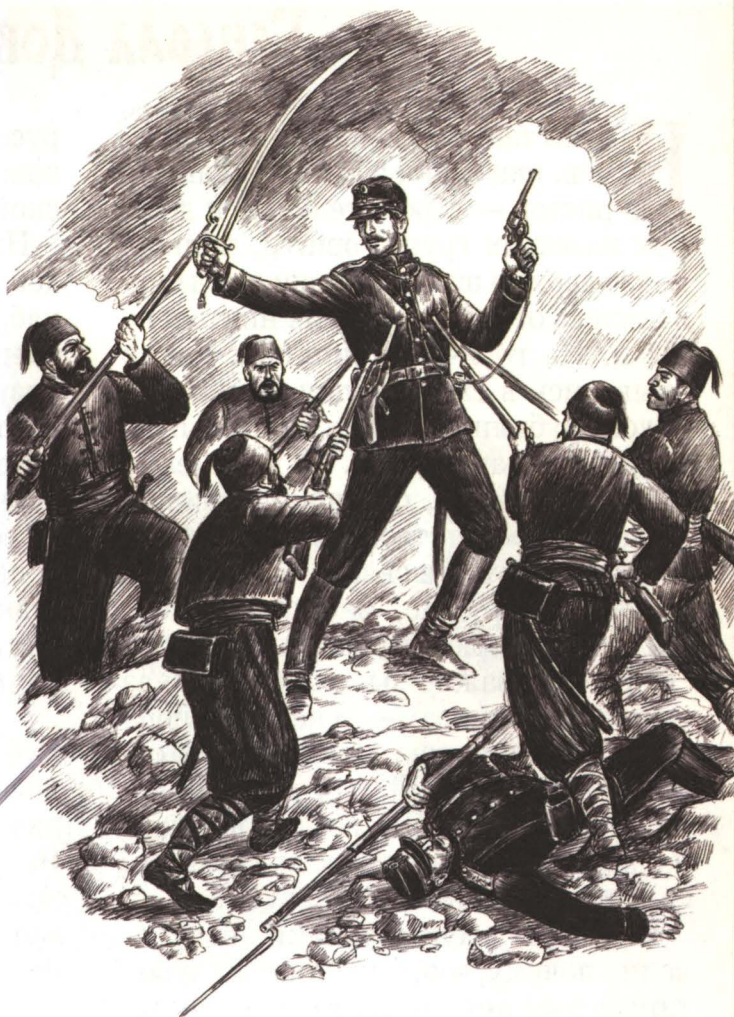
— Назначаетесь комендантом редута. Прошу отстаивать его достойно, если турки вознамерятся возвратить свою утрату.

Горталов столь же коротко ответил:

— Живым редута неприятелю не сдам. Ручаюсь честным словом русского офицера.

А враг наступал на редут. Против всей турецкой армии стояли владимирцы. Без устали рыли землю штыками, руками, кто чем мог, пытаясь устроить хоть какое-нибудь укрытие от страшного огня. Лишь во время пятой атаки пришел приказ генерала Скобелева срочно оста-

Унтер-офицер
пехотного
полка

Героическая смерть майора Горталова
31 августа 1877 года

вить редут и отступить. Слишком уж велики потери: целых четыре полка пехоты погибли под Плевной. Горталов молча выслушал генеральского адъютанта, собрал остатки отряда и приказал отступить. Сам же, покачивая головой, остался на месте. Ведь только смерть может освободить русского офицера от данного слова.

А отступающие владимирцы то и дело оглядывались на своего командира, неподвижно застывшего на бруствере. Ни на шаг не отступившего от честного слова русского офицера. Не отшатнувшегося от штыков ворвавшихся в крепость турков.

Генерал Доватор

Ничто так не устрашало гитлеровцев, как атаки советских кавалеристов — стремительных и дерзких казачьих групп, бригад, полков. Будто черные призраки, они всегда появлялись оттуда, откуда их никто и не ждал. На горячих хрипящих конях врываются в самую гущу вражеских рядов, рубили саблями, строчили из пулеметов, автоматов. И неизменно добывали победу, обращая фашистов в паническое бегство. Сжигали радиостанции, нарушая связь, захватывали трофейное оружие, машины, танки, цистерны с горючим, военные склады. Честно и отважно выполняли приказ своего командира — генерал-майора Льва Михайловича Доватора: «Прорваться в глубокий тыл противника и своими действиями помочь войскам Западного фронта задержать гитлеровское наступление на Москву».

Немецкие военачальники недоумевали: почему вооруженные до зубов танкисты, летчики, мотоциклисты отступают под натиском конников? Почему проваливаются все хитроумные засады на кавалеристов? И почему, несмотря на огромное денежное вознаграждение, никто из русских до сих пор не выдал казачьего начальника — командира 2-го гвардейского корпуса Доватора?

А генерал-майор бесстрашно вел в бой своих солдат — кубанских, терских, донских казаков, — на сотни километров углубляясь в тыл противника. То и дело прорывая оборону гитлеровцев в Духовщинском районе Смоленской области, у Нахабино и Вяземы, у Крюкова, защищая подступы к Москве на Волоколамском направлении. Фашисты в своих донесениях докладывали о сотне тысяч

русских казаков, не подозревая, что воюют с десяти тысячной кавалерийской группой.

Ничто не останавливало 2-й гвардейский полк: ни 25-градусные декабрьские морозы, ни метровый слой снега, ни бездорожье. Ведь по приказу Л.М. Доватора все орудия были поставлены на санки, специально изготовленные полозья, лыжи. В считанные минуты техника из походного состояния переводилась в боевое. И вновь начинались дерзкие налеты, атаки — бесценная помощь 5-й и 16-й армиям, наступавшим на истринском направлении.

С 11 декабря 1941 года в районе Кубинки казаки преследовали отступающие фашистские войска. Необходимо было срочно перерезать шоссе Истра—Руза южнее озера Тростенское, чтобы не дать врагу отойти на запад. Особенно жестокие бои разгорелись у деревни Палашкино.

— Вытягивайте полки, отрезайте путь гитлеровской колонне! Действуйте энергично, а то упустим! — крикнул Лев Михайлович.

Но так отчаянно били немецкие пулеметы, рвались мины, что гвардейский полк отступил. Лишь генерал Доватор не сделал ни шага назад. Бросился вперед, на врага, увлекая за собой казаков, и упал, сраженный пулеметной очередью.

21 декабря 1941 года, спустя три дня после прорыва фашистской обороны, Доватору было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А казаки 2-го гвардейского корпуса до самого конца войны гордо называли себя доваторцами, ужасая гитлеровцев стремительными и дерзкими атаками.

Зоя Космодемьянская

Осенью 1941 года самые длинные очереди в Москве выстраивались вовсе не за драгоценным хлебным пайком. Тысячи горожан сутками толпились у дверей военкоматов. Каждый москвич рвался на фронт, подгоняемый тревожными сводками Информбюро. Хотя бы ополченцем. Рыть окопы, потому что фашисты были совсем рядом. В Подмоскowie.

Восемнадцатилетняя школьница Зоя Космодемьянская не сразу поверила в выпавший на ее долю счастливый случай. После трехдневного обучения в диверсионной школе стать самым настоящим бойцом, разведчицей партизанской части 9903 штаба Западного фронта! Удачно прошло и выполнение первых заданий — минирование дорог в Волоколамском районе.

Поэтому вскоре Зоина партизанская группа получила новый приказ: в течение пяти-семи дней сжечь десять населенных пунктов Рузского района. Чтобы фашистам негде было укрыться от жгучих русских морозов, разжиться хлебом. В тот же день партизаны, получив оружие, три бутылки с керосином и скудный сухой паек, отправились выполнять задание.

В этот раз группе не повезло с самого начала. Едва близ Наро-Фоминска перешли линию фронта, как сразу попали в засаду. А после перестрелки и погони остались в живых лишь Зоя Космодемьянская и два ее товарища. Но не возвращаться же обратно, не выполнив задания? Партизаны разделились и начали пробираться к ближайшему населенному пункту, к Петрищеву. Вскоре в разных концах деревни запылали избы, по-

Кукрыниксы. *Таня*

слышались немецкая ругань, проклятия. Нужно было срочно уходить. Девушка кивнула убегавшим в лес товарищам, щедро плеснула керосин на стену ближайшего сарая, озябшими пальцами чиркнула спичкой. И тут чьи-то сильные руки намертво стиснули Зоины плечи, вырвали из кармана наган, повалили на снег.

День и ночь длились допросы русской партизанки. Фашисты били пленницу ремнями и палками, прижигали ее лицо спичками, выводили босиком на мороз. Без конца задавая один и тот же вопрос: где укрываются ее товарищи? Но девушка молчала, не выдала фашистам даже своего настоящего имени, а назвалась Таней.

Утром 29 ноября 1941 года Зою казнили. Местные жители молча утирали слезы, глядя на изодранную окровавленную рубашку партизанки,

на ее опухшие израненные ноги. На шею партизанки немцы повесили деревянную табличку с надписью: «Поджигательница». А последние тихие, почти неслышные слова, произнесенные ею уже с петлей на шее, разобрали все, даже глуховатые старики: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...»

16 февраля 1942 году Зое Космодемьянской посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. А почтой еще шел в Москву маленький серый бумажный треугольник, в котором детским торопливым почерком было написано всего несколько строк: «...Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду навестить домой. Твоя Зоя».

Александр Матросов

Большее всего Александр Матросов боялся, что не успеет попасть на войну. Жадно вслушивался во фронтовые сводки, следил по карте за продвижением советских войск, торопил время учебы в Краснохолмском пехотном училище. А однажды, не выдержав томительного ожидания, даже написал письмо руководителю страны — самому Сталину: «Я трижды просился на фронт, и трижды мне было отказано в этом. А мне 17 лет. Я больше принесу пользы на фронте, чем здесь. Убедительно прошу Вас поддержать мою просьбу — направить на фронт добровольцем, желательно на Западный фронт, чтобы принять участие в обороне Москвы».

Но так и не дождался ответа и не верил своей удаче, когда в ноябре 1942-го курсанты пехотного училища были отправлены на Калининский фронт сражаться за Родину, которая с ранних лет заменила башкирскому сироте Саше Матросову отца и мать. Писать письма удавалось нечасто, слишком уж «жаркими» выдались февральские дни 1943-го. А если уж выпадало свободное время, то удивительно искренним и подробным получалось письмо медсестре Лиде, работавшей в одном из уфимских госпиталей: «...сегодня комбат рассказал случай, как погиб один генерал, погиб, стоя лицом на запад. Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт — такая штука, что вот живешь-живешь, и вдруг пуля или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот наш генерал: в бою и лицом на запад... Твой Сашок. 22 февраля 1943 года».

27 февраля 1943 года стрелковый батальон получил задание атаковать опорный пункт в районе деревни Чернушки Локнянского района Псковской области. Чтобы выбить оттуда подразделения 197-й немецкой пехотной дивизии, преграждающие советским войскам выходы к железной дороге. Но невозможно было даже начать атаку. Только стрелковый батальон вышел из леса, как сразу превратился в живую мишень. По ней, прикрывая подступы к деревне, безжалостно и отчаянно застрочили из дзотов три фашистских пулемета. Швыряя на снег мертвых, не давая ни шагу сделать живым. С огромным трудом удалось штурмовым группам автоматчиков и бронебойщиков подавить два пулемета. Зато третий не смолкал ни на минуту. Закиданный гранатами, обстрелянный автоматами, он прицельно бил по стрелковому батальону, делая боевую задачу невыполнимой. И неожиданно замолчал, прикрытый широкой грудью 19-летнего рядового Матросова.

Лишь после боя, заняв Чернушки, стрелковый батальон вернулся к третьему фашистскому дзоту. Чтобы простым карандашом вписать в изрешеченный пулями комсомольский билет Александра: «Лег на огневую точку противника и заглушил ее. Проявил героизм». Чтобы, сняв каски, молча постоять над погибшим товарищем, лежащим лицом на запад.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года Александру Матросову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно зачислили в списки первой роты 254-го гвардейского стрелкового полка.

Генерал Карбышев

Никто не знал о судьбе генерала-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева с самого лета 1941 года. С момента отъезда в Западный военный особый округ в Гродно. Последние сведения о генерале поступили 24 июня из штаба 10-й армии. Вскоре разведка доложила, что штаб окружен и, вероятно, захвачен фашистами, местонахождение его офицеров неизвестно. А в личном деле генерала сделали официальную отметку: «пропал без вести».

Карбышев был первым советским генералом, оказавшимся в фашистском концлагере. После отчаянных и безуспешных попыток в августе 1941 выйти из окружения, после тяжелой контузии в бою у белорусской деревни Добрейка, после долгого обморока и бесконечной дороги под дулами немецких автоматов. После настойчивой вербовки врага.

Фашисты хорошо знали об исследованиях Дмитрия Ми-

Дмитрий Михайлович Карбышев

хайловича по форсированию водных преград, применении разрушений и заграждений, о сотне научных трудов по военно-инженерному искусству. Поэтому они без устали «обрабатывали» генерала. Но шестидесятилетний Карбышев неизменно отказывался обустроить для немцев лабораторию, выполнить ряд опытно-конструкторских работ, проверить теоретические расчеты

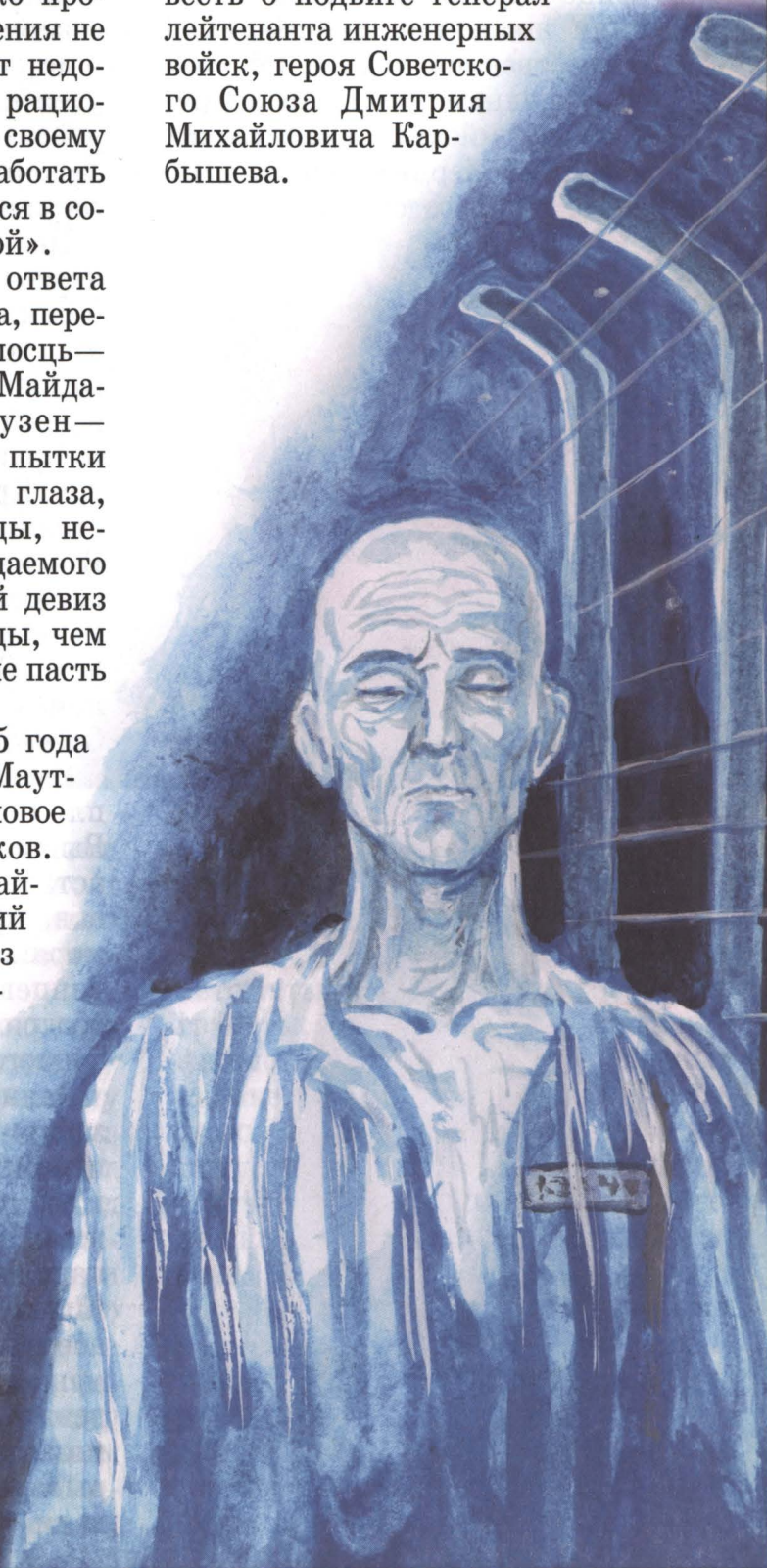
в полевых условиях. Даже за сытную еду, теплую квартиру, чин генерала германского рейха. Выслушивал обещания, угрозы и негромко произносил в ответ: «Мои убеждения не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе. Я солдат и остаюсь верен своему долгу. А он запрещает мне работать на ту страну, которая находится в состоянии войны с моей Родиной».

Всякий раз после такого ответа следовало ужесточение режима, перевод в другой концлагерь. Замосць—Хамельбург—Флоссенбюрг—Майданек—Освенцим—Заксенхаузен—Маутхаузен. Изматывающие пытки ярчайшей лампой, слепящей глаза, пересоленной пищей без воды, недель без сна. А вместо ожидаемого предательства — знаменитый девиз генерала: «Нет большей победы, чем победа над собой! Главное — не пасть на колени перед врагом».

В ночь на 18 февраля 1945 года в австрийском концлагере Маутхаузен было произведено плановое уничтожение пятисот узников. В их числе был Дмитрий Михайлович. Шестидесятипятилетний генерал, в 12-градусный мороз мужественно стоящий под обжигающе холодными струями брандспойтов. Но, даже замерзая и превращаясь в ледяную глыбу, Карбышев кричал своим товарищам: «Родина не забудет нас!»

Во многих городах сейчас установлены памятники герою: в Москве, Казани, Владивостоке, Самаре, Тольятти, Омске, Первоуральске, Волжском.

В его честь названы улицы, школы и даже малая планета Солнечной системы. По всему миру разнеслась весть о подвиге генерал-лейтенанта инженерных войск, героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева.

Штурм Рейхстага

В конце апреля 1945 года наступили последние дни Великой Отечественной войны. Об этом кричали крупные заголовки американских, английских, французских газет, вещали черные тарелки московского, ленинградского, киевского

радио. И глухо молчали в осажденном советскими войсками Берлине. А фашистские генералы уже без прежней уверенности твердили спешно мобилизованным 16-летним мальчишкам о скорой и вполне вероятной победе германского оружия.

Целыми днями немецкая столица содрогалась от взрывов: палили пушки, взрывались гранаты, с самолетов летели бомбы. Невероятно медленно, шаг за шагом советские войска двигались к центру Берлина. К Бранденбургским воротам, к театру Кроль-опера, к кварталу иностранных посольств, к Рейхстагу. Взятие Рейхстага, здания бывшего парламента, и означало бы полную капитуляцию гитлеровской Германии. Окончательную победу в бесконечной четырехлетней Великой Отечественной войне.

Именно поэтому фашисты так цеплялись за свой последний оплот. Выставили против советских войск остатки разгромленных батальонов, сформированных из эсэсовцев, моряков-курсантов, летчиков, пехотинцев. Обеспечили боеприпасами, ободрили вялым напутствием удрученного фюрера.

Здание Рейхстага было битком забито немецкими солдатами и офицерами. Ни на шаг не подпускали к себе фашисты. Под обстрелом держали пространство перед бывшим парламентом — все триста метров Королевской площади. А советские воины тем временем готовили знамена Победы. Да не одно, а целых девять, по количеству дивизий армии, рвущихся к Рейхстагу. Спарывали чехлы матрацев, окрашивали красными чернилами, углем

выводили на них номер дивизии и полка. И держали его под рукой, стискивая грубо оструганное древко во время бесконечных кровопролитных атак.

Атак было множество, под прикрытием одной из них по полуразрушенным лестницам наверх, к самому куполу карабкались два бойца из 756-го стрелкового полка — Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Под прицельным фашистским огнем, бережно сжимая расщепленное пулями древко флага. Чтобы водрузить его на самой высокой точке Рейхстага в знак окончательного разгрома фашистской Германии. Лишь к часу ночи 1 мая, раздуваемое весенним ветром, забило над Берлином Знамя Победы. Грубая холщовая ткань,

окрашенная красными чернилами, с надписью: «756-й стрелковый полк 150-я стрелковая дивизия».

Внизу палили пушки, строчили автоматы. В здании глухо бухали гранаты, один за другим сдавались фашисты, засевшие в бесчисленных кабинетах Рейхстага. Всего через неделю будет подписан договор о капитуляции фашистской Германии, о конце Второй мировой войны. А советские воины, двигаясь вглубь Рейхстага, оставляли на своем пути алые флаги. Привязанные к колоннам центрального входа, выставленные в окнах. Знамена Победы с угольно-черными надписями: «380-й, 674-й, 519-й полк». Долгожданные знаки победы в бесконечной четырехлетней Великой Отечественной войне.

ЕВГЕНИЙ РОДИОНОВ

Женя Родионов никогда не снимал нательного креста. С 1989 года, с тех пор как в одиннадцатилетнем возрасте, исповедовавшись и причастившись, застегнул на шее тонкую золотистую цепочку. Крестик то прятался за высокой горловиной водолазки, то мелькал в расстегнутом вороте белой школьной рубашки, то поблескивал на груди во время боксерских боев, то покоился за пятнистой гимнастеркой пограничных войск.

Служба рядового Родионова в погранвойсках продлилась совсем недолго. До ночного дежурства 13 февраля 1996 года на границе между Ингушетией и Чечней. На слабо укрепленном блокпосте, без опытных офицеров, вместе с тремя такими же новичками, с Андреем Трусовым, Игорем Яковлевым и Александром Железновым. Чтобы при первой же попытке досмотра машины «Скорой помощи», тяжело пробиравшейся по зимней дороге, попасть в плен к чеченским боевикам. Быть разоруженным и связанным, долго трястись в машине, битком забитой ящиками с боеприпасами, гадая, слышал ли кто-нибудь их крики о помощи.

Целых три месяца русские солдаты провели в поселке Бамут, в плену, став добычей бригадного генерала Руслана Хайхорова. Каждый день они подвергались жестоким пыткам и бесконечному принуждению отречься от православной веры. Каждый день выслушивая лживые обещания немедленного освобождения и беспрепятственного возвращения на Родину. И каждый

день твердо отказываясь принять ислам. Даже в обмен на жизнь.

Боевиков страшно выводило из себя такое упорство. Как можно противоречить тем, кто намного сильнее тебя? Как можно говорить «нет», если ты избит и истощен? А русские пограничники держались стойко, им придавал сил блеск золотистого крестика на груди Евгения Родионова. Среди лохмотьев пятнистой гимнастерки, остро выступающих ключиц, ран, ожогов.

Вскоре, перестав надеяться на помощь, солдаты решились на побег. Голодные, слабые, разутые, совершенно не знающие местности. Когда же их догнали, все четверо, не чувствуя боли от ударов, отчаянно защищали тоненькую цепочку с крестиком на шее товарища.

Ребят казнили 23 мая 1996 года, в день девятнадцатилетия рядового Родионова. А в это время всего в семи километрах от Бамута находилась Женина мать. Измученная трехмесячным блужданием по Чечне, она не оставляла надежды разыскать и спасти единственного сына. Не ведавшая о предстоящих долгих поисках тел погибших солдат...

Через некоторое время на месте казни четырех пограничников в освобожденном от боевиков Бамуте был установлен металлический крест. А возле Петергофа, в храме апостолов Петра и Павла в усадьбе Знаменка появился иконописный образ новомученика за Христа — воина Евгения. Облаченного в пятнистую форму российского пограничника, рядом с царем-мучеником Николаем II.

ПСКОВСКИЕ ДЕСАНТНИКИ

Зима в горах не заканчивается никогда. Даже весна не смягчает холодной белизны заснеженных вершин, морозной свежести воздуха. Хотя солдаты и офицеры 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской краснознаменной дивизии давно уже привыкли к длинной зиме. Такой непохожей на родную, псковскую, в которой 29 февраля 2000 года наступил бы хоть и календарный, но все-таки конец зимы. Именно в этот день 6-й парашютно-десантной роте и был дан приказ: выдвинуться на высоты к выходу из Аргунского ущелья у селенья Улус-Керт Чеченской республики.

По обычаю первым движение начал разведывательный дозор роты. А вскоре у командира батальона подполковника Марка Евтюхина ожила и захрипела рация, требуя немедленной связи. С тем, чтобы коротко и предельно ясно доложить обстановку. Об огромном, трехтысячном

скоплении боевиков эмира Хаттаба и Шамиля Басаева, рвущихся через Аргунское ущелье к Дагестану. О многих тысячах долларов, обещанных за беспрепятственный проход. Об угрозах в случаях преграждения пути.

То же сообщение, заглушаемое радиоперехватом, поступило и командиру десантной группировки. А обратная связь принесла подполковнику решительный твердый приказ: наглухо преградить выход из ущелья. Предложить боевикам сдаться, а в случае отказа всех уничтожить. То же услышали от своего генерала, внимательно прослушивающего все переговоры по радиоперехвату, и чеченские боевики. И сразу разгорелся бой. Девяносто десантников и три тысячи боевиков. С немногочисленным подкреплением разведчиков из 4-й роты. С оглушительными взрывами гранат, которыми обвешивались русские солдаты, бросаясь в гущу боевиков. С широким ручьем крови, прочертившим вниз алый дымящийся путь. С хриплым отчаянным криком Марка Евтюхина, вызывавшего на себя, а заодно и на врага, огонь родной артиллерии. С прорывом к месту боя десантников других отделений...

Аргунское ущелье так и не было сдано. Надолго провалился план захвата дагестанских земель и создания на Кавказе агрессивного исламского государства. Боевики, торопливо от-

ходя в горы, отчаянно кляли упрямство и неподкупность русских солдат. Восьмидесяти четырех погибших псковских десантников. Посмертных Героев России и орденосцев Мужества. Тех, чьи имена вскоре станут названием одной из грозненских улиц. И чью жизнь завершил последний день длинной чеченской зимы 2000 года.

Гвардии подполковник Евтюхин Марк Николаевич, гвардии майор Молодов Сергей Георгиевич, гвардии майор Доставалов Александр Васильевич, гвардии капитан Соколов Роман Владимирович, гвардии капитан Романов Виктор Викторович, гвардии старший лейтенант Воробьев Алексей Владимирович, гвардии старший

лейтенант Шерстяников Андрей Николаевич, гвардии старший лейтенант Панов Андрей Александрович, гвардии старший лейтенант Петров Дмитрий Владимирович и многие, многие другие герои России...

СОДЕРЖАНИЕ

Евпатий Коловрат.....	2	Леонтий Коренной.....	24
Меркурий Смоленский	4	Василиса Кожина	26
Монах Пересвет	6	Архип Осипов	28
Воевода Шеин.....	8	Фома Данилов.....	30
Михаил Скопин-Шуйский.....	10	Федор Горталов	32
Иван Сусанин.....	12	Генерал Доватор.....	34
Кормщик Рябов.....	14	Зоя Космодемьянская.....	36
Гвардии сержант		Александр Матросов	38
Михаил Щепотьев.....	16	Генерал Карбышев	40
Гренадер Новиков	18	Штурм Рейхстага	42
Секунд-майор Неклюдов	20	Евгений Родионов	44
Генерал Кульнев.....	22	Псковские десантники	46

Серия «История России»

Мария Альбертовна Мартиросова

Легенды о русских героях

Художник Юрий Евгеньевич Каштанов

Для среднего школьного возраста

История – летопись человеческих судеб. Генералов и рядовых, императоров и крепостных, женщин и мужчин. Рассказы, вошедшие в книгу, открывают читателю не только вехи отечественной истории, но и черты характера русского человека, его любви к Родине.

Составитель Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Научный редактор К. Титов
Корректор О. Ситникова
Компьютерная верстка: А. Карандашова

ISBN 978-5-7793-1977-5

ООО «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-26-50, 780-39-11
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь
по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2

Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-54-64

192019, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 14
Тел. (812) 643-02-09

400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город»
представлен на сайтах:
www.belygorod.ru и www.bg-mir.ru
Вы можете заказать
бесплатный каталог издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-43-38, 780-39-11

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных издательством материалов в ОАО
«Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46. ☎

Дата подписания в печать: 15.12.2010
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
формат 84 x 108, 1/16
Тираж 3000 экз.
Заказ № 5687.

На обложке: М. Шаньков. Засадный полк (фрагмент)

© Астахова Н.В., составление
© «Белый город»

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юными читателями уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали эти книги популярными.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

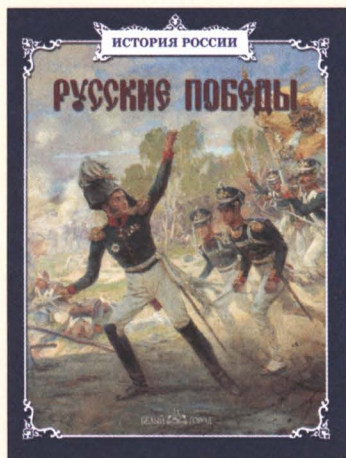
Для того чтобы легче было ориентироваться в книгах серии, мы условно разбили их на темы. Для читателя не составит труда собрать свою коллекцию по интересующей его теме.

Некоторые книги могут быть представлены в двух темах.

Вышли в свет тематические сборники «Герои русской истории», «Русские победы», «Древняя Русь», «Русские цари», «Российские императоры», «Москва. Иллюстрированная энциклопедия», «Русский быт». Мы благодарим всех наших читателей за поддержку и желаем вам приятного чтения.

Знаком ☒ отмечены книги, которые вошли в сборник.

Русские победы

Немало испытаний вынесли русские люди от чужеземных завоевателей. Летопись русской истории наполнена многими славными победами. Военная история России, ее героическое прошлое — тема сборника «Русские победы».

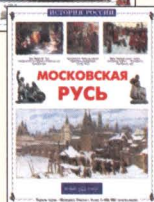
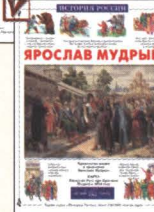
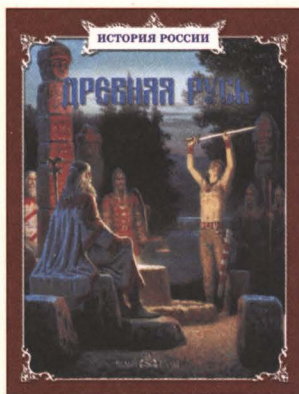

История XX века

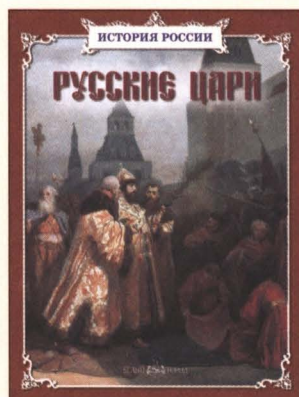

Двадцатый век стал самым сложным в истории нашей страны. В чем смысл уроков, которые преподнес непредсказуемый век жителям России? Об этом размышляют все, кому небезразлично будущее великого государства.

Древняя Русь

Цари и императоры

Может ли один человек изменить ход истории? Какова роль личности в развитии государства? Победы и поражения, взлеты и падения, случавшиеся в истории России, авторы пытались проанализировать на примере судеб русских царей, стоявших во главе великой страны. Именно они принимали решения, влиявшие на судьбы многомиллионного народа.

Герои русской истории

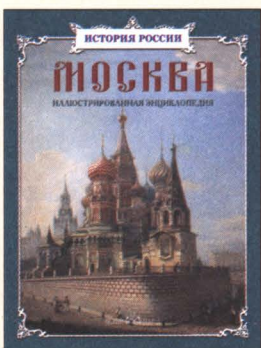

Записки путешественника

Эта серия позволит читателям совершить увлекательное путешествие по нашей необъятной стране.

Москвоведение

Москва — особенный город. Сама История прошла по улицам древней столицы, оставив на них свои следы.

Православная культура

Русский быт

Русская словесность

Изобразительное искусство

Талант великих русских художников вырос из народной культуры, которая вобрала в себя события истории и чаяния народа. Эта серия еще ждет своего продолжения.

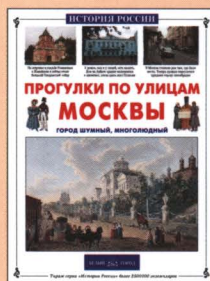
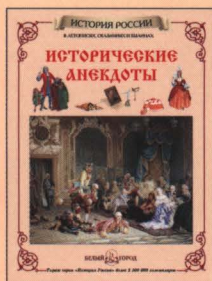
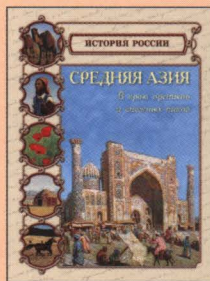
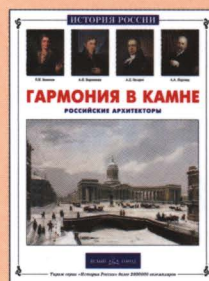
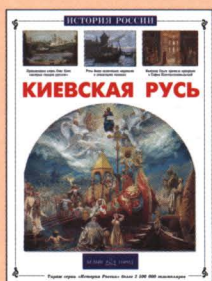
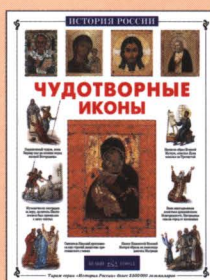
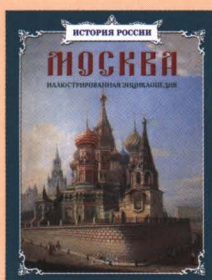
ИСТОРИЯ РОССИИ

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали ее популярной.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

Книги, вышедшие в 2009—2010 годах

Готовятся
к выпуску:

Русское оружие
Меценаты
Русские кремли

ISBN 978-5-7793-1977-5

9 785779 319775

ЛЕГЕНДЫ О РУССКИХ ГЕРОЯХ

ИСТОРИЯ РОССИИ

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ЛЕТОПИСЯХ, СКАЗАНИЯХ И БЫЛИНАХ

ЛЕГЕНДЫ О РУССКИХ ГЕРОЯХ

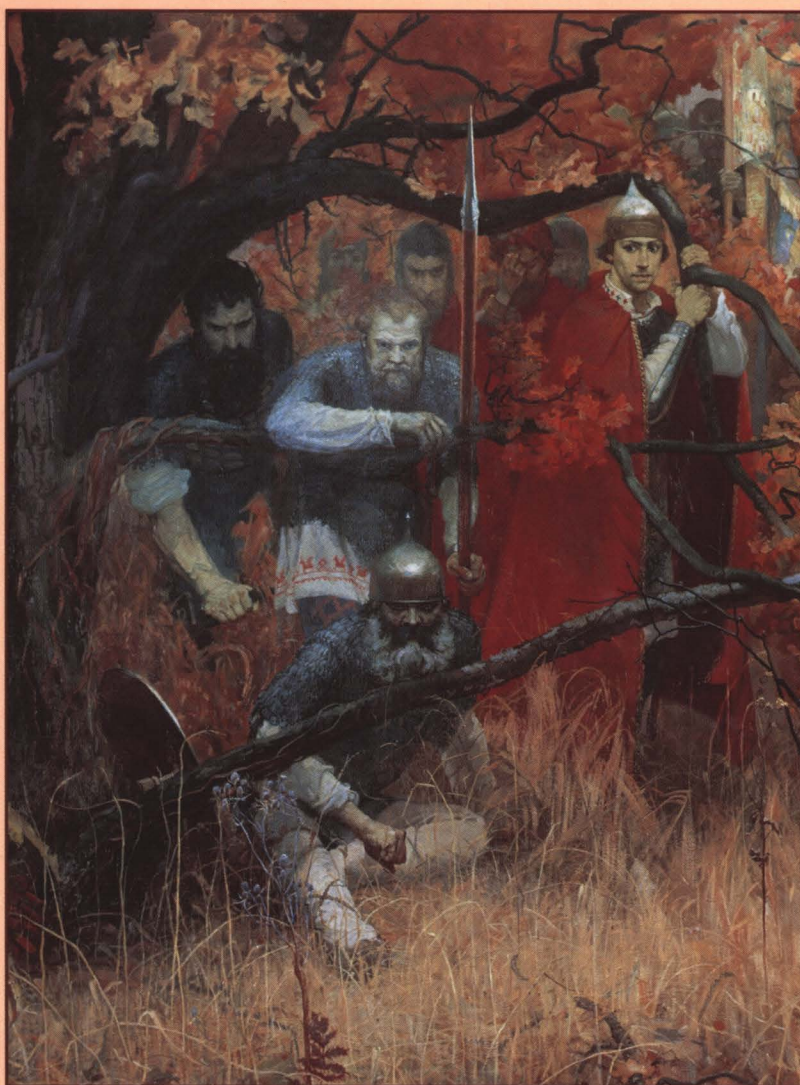
Воин
со знаменем Победы

Офицер
Российской армии
XIX в.

Пеший ратник
XIII в.

Десантник
Советской армии

Ратник
дворянского
ополчения XVI в.

Офицер
Российского флота
петровского времени

БЕЛЫЙ ГОРОД

Тираж серии «История России» более 2500000 экземпляров